

Стахеев Дмитрий Иванович

Глухие места
Рассказы

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Д53

Д53 **Дмитрий Иванович С.**
Глухие места: Рассказы / Стахеев Дмитрий Иванович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 333 с.

ISBN 978-5-519-75389-0

ISBN 978-5-519-75389-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Лѣсопромышленники.	1
Легкая благотворительность	34
Въ глухомъ лѣсу	54
Городъ Крутогорскъ	96
Нраву моему не препятствуй.	131
Темные люди	141
Изъ разсказовъ художника	165
На пути съ Амура	181
Темное дѣло	199
Курьезная покупка	211
Сельскій книготорговецъ	220
Общественный дѣятель	239
Страшный случай.	252
Старые годы.	269
Одинъ изъ многихъ	285
Путевыя наслажденія на русскихъ дорогахъ	313

ЛѢСОПРОМЫШЛЕННИКИ.

Городъ У. стоитъ въ сторонѣ отъ большаго сибирскаго тракта. Городъ У. ничѣмъ не замѣчательнъ,—маленькій, ничтожный городишка, о немъ даже и въ географіи упоминается только вскользь, безъ означенія числа жителей: есть, молъ, въ сѣверной Россіи ничтожный городишко У., а сказать о немъ мы ничего не можемъ. Да и что говорить о русскихъ городахъ сѣверной или сѣверо-восточной полосы?

«Печѣмъ тѣшить пытливые взоры:
Снѣгъ, да снѣгъ, всё одинъ вѣчно-дѣвственный снѣгъ,
Да узоры лиловые скованныхъ рѣкъ,
Да сосновые темные боры».

Кажись-бы и намъ нечего заводить рѣчь о городѣ У., но «сосновые темные боры» привлекли къ себѣ наше вниманіе. Всматриваясь въ нихъ, мы замѣчаемъ, что они годъ отъ году рѣдѣютъ; слышимъ мы, что въ этихъ темныхъ борахъ каждую зиму

стучать сотни топоровъ, валятся съ трескомъ и шумомъ тысячи деревьевъ; слышимъ мы все это, и хочется намъ видѣть вблизи эти темные боры, забратъ-ся въ ихъ таинственную глубину и посмотрѣть, какъ «царь природы» царствуетъ въ своемъ царствѣ.

Идемъ мы въ ту сторону и смотримъ.

Тянется наша дорога горами и оврагами, степями и болотами, остаются за нами кривыя и косыя и полугнилыя избушки плаксивыхъ деревень, робко жмущихся одна къ другой по окраинѣ густова лѣса; крыши избушекъ долго остаются въ нашей памяти, возбуждая удивленіе изсохшей соломой и деревянной трубой.

— А что, ямщикъ, не опасно вамъ печи-то свои топить? спрашиваемъ мы своего возницу.

— Пошто опасно? ничево-о! отвѣчаетъ онъ, не поварачивая головы.

— Солома-то на крышахъ вся пересохла, а труба-то плохая, искру можетъ выбросить....

— Оборони Богъ, что говорить! Вонъ анамед-нись деревня вся до тла погорѣла, рядомъ съ ней опять то же, въ пятнадцати верстахъ, — всю какъ есть спалило! Мужики безъ лаптей ходятъ! Божье по-пущенье за грѣхи наши.

— Да, велики ваши грѣхи, и отвѣтъ за нихъ кто нибудь да долженъ держать...

— Теперича, — продолжаетъ ямщикъ, уже повернувшись къ намъ лицомъ, — въ прошломъ году су-

сѣдскія деревни погорѣли,—народу што обѣднѣло—бѣда! Какъ и жить!...

— Нужно крыши крыть тесомъ, печи выводить подъ крышей кирпичныя, а не вставлять выдолбленныя бревна.

— Это ты, ваше почтеніе, точно. Это ты правильно толкуешь, только силы у насъ на тесовую крышу не хватать, достатки-то наши тово...

— Застраховать надо свои избы.

— Мы штрафуемъ... только мало больно даютъ— вотъ теперичка сусѣдской-то деревни мужики погорѣли, дома-то у нихъ штрафы платили сколько годовъ, а теперича, сказываютъ, имъ выходить бумага получать за свои избы по тридцати рублей, только...

— Нужно тесовую крышу и кирпичный выводъ трубъ надъ крышей, тогда больше дадутъ...

— Та-а-къ,—задумчиво заключаетъ возница и снова поворачивается къ конямъ лицомъ.

Идемъ мы дальше и въѣзжаемъ въ лѣсъ. На пути нашемъ видны слѣды недавней бури, свалившей громадное количество лѣсу.

— Что у васъ недавно, должно быть, буря была? спрашиваемъ мы ямщика.

— Нѣтъ, давно, года никакъ два ужь...

— Отчего-же до сей поры лѣсъ не убранъ?

— Какой лѣсъ?

— А вотъ что бурей-то сломило.

— Это казенный! безпечно отвѣчаетъ возница.

— Знаю, что казенный. Отчего-же его не употребить въ дѣло, чѣмъ ему гнить?

— Такъ, значитъ, надо. Казна, извѣстно дѣло... Какъ начальство прикажетъ, потому лѣсъ казенный, береги пуще глазу. Вотъ тутъ-то кругомъ рубятъ и сплавляютъ, а этотъ все лежитъ, да гніетъ, потому, видно, неприказано трогать его, чтобы сохранны...

— Да вѣдь онъ сгніетъ?

— Може и сгніетъ... Казенный вѣдь!..

Вдемъ мы дальше и снова видимъ работу царя природы: рубить онъ все, что попадаетъ ему подъ руку: молодая-ли сосна, только что поднявшаяся на сажень отъ земли, столѣтнѣе-ли дерево, оберегающее отъ бури молодые кусты, все равно! Все рубится съ плеча. Нужно-ли этому царю природы надрать лыка, онъ обдеретъ липу снизу до верху и оставить ее обнаженной, а на дрова срубить другую, съ корой. «Мнѣ, дескать, плевать на всякія теоріи, я, молъ, на практикѣ такъ дѣйствую, что послѣ моего топора въ лѣсу ничего расти не будетъ. Тамъ о лѣсоводствѣ хоть тысячу лекцій читай, а я все-таки буду дѣлать по своему, потому, что въ эти лекціи не вѣрю да и не понимаю ихъ». И вотъ кончается зима, «лиловые узоры скованныхъ рѣкъ» превращаются въ мутныя грязныя воды, ручьи и ключи шумятъ и пѣются, полныя тающихъ снѣ-

говъ, несущихся съ горъ и долинъ. Мелкія рѣчки превращаются въ большія рѣки, и два весеннихъ мѣсяца сплавляются внизъ по теченію ихъ громадныя сплавы съ лѣсными матеріалами. Ёдемъ мы къ берегамъ мутной рѣчки Кульмези посмотрѣть на проплывающіе плоты. Длиннымъ, бесконечно-длиннымъ караваномъ тянутся они одинъ за однимъ къ берегамъ пустынной Камы; на этихъ плотяхъ нагружены громадныя бунты лубьевъ, — это кора, содранная съ липы, это — жизнь, отнятая отъ дерева, и сколько мы видимъ такихъ лубьевъ, столько осталось въ лѣсу деревьевъ, обрѣченныхъ на гибель; далѣе за этими бесконечными караванами, тянутся новыя караваны съ рогожами, кулями, мочаломъ, и все это содрано съ липы ради копѣечной выгоды, и липа эта изсохнетъ и изгниетъ безъ всякой пользы для человѣка.

Велико богатство нашего царства. и никто не дивится, глядя на это звѣрское истребленіе лѣсовъ.

— Дивиться тутъ, сударь, нечему, рассказываетъ нашъ бородатый старикъ купецъ изъ старообрядцевъ, Кусковъ, — нечему тутъ дивиться, потому — Господь для того и лѣсъ создалъ, чтобы его рубили.

— Да рубить-то бы надо съ толкомъ...

— Съ толкомъ и рубимъ, да еще съ молитвой. Я вотъ немного немало этимъ дѣломъ тридцать лѣтъ занимаюсь, у меня вонъ бываетъ по сту, а то и по полтараста человѣкъ рабочихъ, — говорю имъ что-

бы всякое дѣло дѣлали съ молитвой, дерево-ли, говорю, рубите, лыко-ли дерете,—все вы должны съ молитвой, потому—Божье!

— Не нужно-бы,—говоримъ мы,—для мочала и рогожъ деревья-то губить.

— А какъ же быть-то безъ этого? спрашиваетъ удивленный Кусковъ и продолжаетъ докторальнымъ тономъ: «Безъ этого, ваша милость, жить на свѣтѣ нельзя, потому и рогожа, и куль, и мочало нужно, и коробокъ лубочный нуженъ.

— Въ другихъ мѣстахъ этого не водится,—отвѣчаемъ мы.

Кусковъ смотритъ, покровительственно смѣется и треплетъ насъ по плечу, какъ малаго ребенка, приговаривая: «не смѣши, не шути».

— И смѣшить, говоримъ, нечего и шутить незачѣмъ, а говоримъ вамъ серьезно, что есть такіа мѣста, гдѣ для рогожи деревомъ не пожертвуютъ.

— Нѣтъ, ваша милость, такого царства, нѣтъ на свѣтѣ такой земли, гдѣ-бы безъ рогожи и безъ мочала обошлись.

— Есть, говоримъ, дѣдушко, есть.

— Шутить изволите, ваша милость, али-бо сами не знаете.

— Есть, да еще и не одна такая есть сторона, а много.

— Чудно! Въ чемъ-же они муку возятъ?

— Въ мѣшкахъ. Сѣютъ для этого ленъ, собира-

ють его и дѣлають холстъ для мѣшковъ, а лѣса свои берегутъ.

— Для чего-же и лѣсъ Господь далъ, чтобы его рубить.

— Нѣтъ, дѣдушко, не для одной рубки лѣсъ Богъ далъ: гдѣ лѣсъ есть, тамъ рѣки не мелѣють, гдѣ лѣсъ, тамъ влажность почвы поддерживается; вблизи лѣсовъ воздухъ лучше; лѣса удобреніе землѣ даютъ...

— Все это, ваша милость, пустяки,—недовѣрчиво посматривая, возражаетъ Кусковъ,—а я такъ мѣкаю, что въ другихъ земляхъ оттого и ленъ разводятъ, что лѣсу у нихъ мало.

— Да у насъ тоже придетъ такая пора, если будемъ такъ истреблять лѣса.

— Намъ объ этомъ думать нечего. На нашъ вѣкъ еще хватитъ. Тамъ они, наши-то потомки, какъ хотятъ, пусть хоть изъ шолку, изъ атласу мѣшки дѣлають, а мы теперь пока будемъ держаться за рогожу, благо пріобыкли къ этому дѣлу.

Въ этомъ разговорѣ со старикомъ Кусковымъ, представителемъ торговаго класса лѣсопромышленниковъ, мы ясно видимъ, на какой степени экономического развитія находится наша торговля и промышленность: «Тамъ они какъ хотятъ, а мы все-таки будемъ держаться за рогожу, благо пріобыкли!» И чудесно! Стало быть, по Сенькѣ и шапка. Куда ужъ намъ въ холщевыхъ мѣшкахъ хлѣбъ возить, ладно намъ и рогожа.

— Оно тово, лучше рогожа-то. Да-а! Рогоженный-то куль стоитъ всего семь али восемь копѣекъ, а за холщевый-то, пожалуй, придется истратить копѣекъ тридцать, а то и всѣ сорокъ. Расчетъ-то вѣрный.

Такъ разсуждаютъ умныя головы. Ихъ слушаютъ другіе умники, и всѣ довольны логичнымъ выводомъ и всѣ подсмѣиваются себѣ въ бороды и потираютъ руки: «хе, хе, хе! молъ, вы ученые люди! Считаете, считаете, а настоящаго счету не смыслите. Мы на томъ стоимъ, и вамъ бороться съ нами не подьсилу: въ циферяхъ мы собаку съѣли!» Похвально! Такъ и должно быть, на то ты и купецъ, чтобы «соблюдать свою коммерцію». Дальше носу смотрѣть нечего и нечего о томъ думать, что рогоженный куль отслужить свою службу въ одинъ сплавъ и болѣе ни на что не годится, а холщевый мѣшокъ можетъ прослужить три четыре сплава и послѣ этого дать еще за себя выручку, потому что будетъ годенъ на бумажную фабрику въ качествѣ матеріала.

Слушаютъ эти слова лѣсопромышленники, слушаетъ и сѣдой Кусковъ, и покачиваютъ головами.

— Э, ваша милость! Объ этомъ что говорить! Улита ѣдетъ, когда-то будетъ, а тутъ съ рогоженнымъ-то кулемъ покончилъ на семь копѣекъ, да и дѣлу конецъ...

— Но вѣдь при замѣнѣ рогоженныхъ мѣшковъ холщевыми можетъ развиваться новая промышлен-